

Список использованной литературы:

1. Цивільне право України : [підручник] : у 2 т. / за ред. В.І. Борисової, І.В. Спасибо-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. – К. : Юрінком Інтер, 2004. – Т. 2. – 2004. – 567 с. – С. 189.

2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2005. – Т. 2. – 2005. – 462 с.

3. Шешенин Е.Д. Классификация гражданско-правовых обязательств по оказанию услуг / Е.Д. Шешенин // Гражданское право и сфера обслуживания. – Свердловск, 1984. – С. 42–44.

4. Куник Я.А. Кредитные и расчетные отношения в торговле / Я.А. Куник. – М. : Экономика, 1970. – 294 с.

5. Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах / М.И. Брагинский. – Минск : Наука и техника, 1967. – 264 с.

6. Кабалкин А.Ю. Сфера обслуживания: гражданско-правовое регулирование / А.Ю. Кабалкин. – М. : Наука, 1972. – 197 с.

7. Голіна О.В. Питання класифікації договорів з надання послуг у господарській сфері / О.В. Голіна // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2013. – Т. 26 (65). – № 2–1. – Ч. 1. – С. 324–331.

8. Цивільне право України : [підручник] : у 2 т. / за заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасибо-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. – К. : Юрінком Інтер, 2004. – Т. 2. – 2004. – 552 с.

9. Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 2-е изд. – М. : Статут, 2005. – 848 с.

10. Про інформацію : Закон України від 2 жовтня 1992 р. // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1992. – № 48. – Ст. 650.

11. Про інформацію : Закон України від 2 жовтня 1992 р. в редакції Закону України від 13 січня 2011 р. № 2938-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 32. – Ст. 313.

12. Шаркова Г.Ю. До питання щодо визначення поняття договору консалтингу / Г.Ю. Шаркова [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://library.nlu.edu.ua/POLN...8.../Sharkova.pdf>.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА ИЛИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ? (К ВОПРОСУ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА)

Иван КОЛОТУХА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
Ужгородского национального университета

Summary

The question related to the peculiarities of determining the amount of international legal personality of the national liberation movement during the armed conflict. Analyzes the provisions of international conventions and national legislation of Ukraine regulating relations during the armed conflict between the warring parties and determine the status of members of armed conflict. The author tries to capture the signs that indicate the identity of the participants to legitimate resistance movement combatants and qualitatively distinguish them from mercenaries and other illegal participants of armed conflict.

Key words: subject of international law, international humanitarian law, national liberation movement, combatants.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос, связанный с особенностями определения объема международной правосубъектности национально-освободительного движения во время вооруженного конфликта. Анализируются положения международных конвенций и национального законодательства Украины, которые регулируют отношения во время вооруженного конфликта между воюющими сторонами и определяют статус участников вооруженного конфликта. Автор пытается выделить характерные признаки, которые указывают на принадлежность участников движения сопротивления к законным комбатантам и качественно отличают их от наемников и других незаконных участников вооруженного конфликта.

Ключевые слова: субъект международного права, международное гуманитарное право, национально-освободительное движение, комбатант.

Постановка проблемы. Вступив в новое, третье, тысячелетие, человечество не смогло избавиться от старых проблем, которые каждый раз напоминают о себе вместе с появлением очередного вооруженного конфликта. Современные международные отношения характеризуются изменением характера конфликта, появлением ряда новых категорий и ситуаций, увеличением числа жертв среди гражданского населения, все большей интернационализацией вооруженных конфликтов немеждународного характера. В связи с этим вопрос определения международной правосубъектности повстанческого движения является предельно острым и актуальным.

Актуальность темы. Проведенное в статье исследование базируется

на теоретических работах украинских и зарубежных ученых. Проблема, которая является предметом исследования, нашла отражение в научных трудах таких ученых, как Эрик Давид, В.М. Репецкий, В.М. Лысык. Однако в связи с особой спецификой исследования существуют некоторые пробелы, которые по мере своих возможностей автор берется заполнить в статье.

Цель статьи – исследование международно-правового статуса и основных признаков, которые могут позволить сопротивлению считаться субъектом международного гуманитарного права (МГП), а его участникам, соответственно, комбатантами и наоборот; определить, в каких случаях участники вооруженного формирования, которое ведет вооруженную борьбу против пра-

вительственных войск, не может считаться национально-освободительным движением и будет, по сути, террористической организацией.

Изложение основного материала исследования. Исследуя вопрос правосубъектности в международном гуманитарном праве, важно, прежде всего, обратиться к перечню субъектов международного права. Установившееся в доктрине международного права мнение считает основным субъектом государство, а производными – международные организации, народы, нации, борющиеся за независимость (национально-освободительное движение), в отдельных случаях физическое лицо [3, с. 297].

Благодаря созданию мощного регионального в рамках Совета Европы механизма по защите прав человека, возможным стало для физического лица подать иск против государства, что фактически делает индивида субъектом такой отрасли права, как международное право прав человека. Создание Международного уголовного суда, а также других международных уголовных и военных судов и трибуналов предоставило физическому лицу статус субъекта международного уголовного права и международного гуманитарного права, соответственно.

Однако правосубъектность физических лиц ограничена. Поэтому когда некоторые государства заявляют, что физические лица являются субъектами международного права, и когда другие государства с этим не согласны, то права обе стороны. Если первые государства предоставляют физическим лицам международные права, то в отношении этих государств физические лица являются субъектами международного права; государства второй группы могут из практических соображений помешать приобретению физическими лицами международной правосубъектности, воздерживаясь от предоставления им каких-либо прав, действующих по международному праву [4, с. 157].

По мнению автора, доктринальная позиция, изложенная в отношении физических лиц, характерна и в вопросе объема международной правосубъектности национально-освободительных движений.

Специфической в данном случае является правовая ситуация, возникаю-

щая в рамках международного гуманитарного права (МГП).

Международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов или законы и обычаи войны) как часть международного права, которая квалифицирует ситуации вооруженных конфликтов, регулирует вопросы защиты жертв войны, а также применение средств и методов ведения войны. Международный суд ООН в Консультативном заключении о законности применения или угрозы применения ядерного оружия в 1996 г. указал, что международное гуманитарное право является *lex specialis* (специальным правовым режимом) по отношению к международному праву прав человека, ведь оно способно более эффективно защищать права человека во время вооруженных конфликтов [6].

Основными источниками международного гуманитарного права являются четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны, а также два Дополнительных протокола к ним от 8 июня 1977 г., а именно:

- Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женевская конвенция I);
- Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Женевская конвенция II);
- Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Женевская конвенция III);
- Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женевская конвенция IV);
- Дополнительный протокол, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (ДП I);
- Дополнительный протокол, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (ДП II).

Украина ратифицировала указанные международные договоры, следовательно, их положения являются частью национального законодательства.

В конкретном случае в международном гуманитарном праве четко можем выделить, что в состав субъектов входят:

- 1) государство;
- 2) международная организация;

3) народ, нация, которые ведут борьбу за независимость (национально-освободительное движение);

4) физическое лицо.

Согласно нормам международного гуманитарного права, участников вооруженных конфликтов разделяют на две основные группы: комбатанты и некомбатанты. Принадлежность участника вооруженного конфликта к той или иной группе определяет его правовой статус, что дает ему определенные права и обязанности. Впервые круг лиц, имеющих право участвовать в вооруженных действиях, был обозначен в IV Гаагской конвенции 1907 г., признающей такими отряды добровольцев, а также жителей незахваченных территорий, которые добровольно берутся за оружие для борьбы с врагом, который наступает, но не успевают образовать организованные вооруженные формирования.

Согласно Дополнительному протоколу I 1977 г., «лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала), являются комбатантами, то есть они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях» (п. 2. ст. 43) [2, с. 140]. Иначе говоря, комбатанты имеют право воевать. Это означает, что разрешено применять силу и даже убивать, и они при этом не несут ответственности за свои действия, если бы таковые имели место, если бы они совершали их как обычные граждане. К комбатантам относят: 1) личный состав вооруженных сил (к этой группе относятся все лица, входящие в состав вооруженных сил стороны конфликта: кадровые военные, добровольцы, члены ополчения; милиция, полиция и другие военизированные организации могут быть приравнены к вооруженным силам при условии, что сторона, которая ввела их в состав вооруженных сил, объявит об этом всем другим сторонам конфликта. При невыполнении такого условия членов личного состава этих сил следует рассматривать как гражданских лиц); 2) население неоккупированной территории, которое стихийно берет за оружие при приближении врага; 3) участников движения сопротивления, партизанов.

К числу комбатантов в данном случае можно отнести лиц, которые

наделены властью и могут отдавать приказы другим комбатантам (как правило, высшие должностные лица государства). Так, например, по законодательству Белоруссии, Украины, России, США и большинства других государств, главнокомандующим Вооруженных Сил является глава государства. Именно к его полномочиям относится объявление войны. Он осуществляет общее руководство армией и тому подобное. Поэтому понятно, что он также обязан соблюдать нормы международного гуманитарного права, а в случае их нарушения может быть привлечен к ответственности. То же касается и других лиц, которые не входят в состав вооруженных сил, но, будучи государственными служащими, наделены полномочиями отдавать приказы комбатантам.

Основными принципами, которыми стороны должны руководствоваться в ходе ведения военных действий, являются следующие: принцип различия, принцип необходимости и принцип соразмерности.

Принцип различия – общепризнанная норма договорного и обычного международного гуманитарного права, в соответствии с которой стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также гражданскими и военными объектами и, соответственно, направлять свои действия только против военных объектов (ст. 48 ДП I).

Запрет нападений на гражданских лиц имеет единственное исключение: гражданские лица, которые непосредственно участвуют в военных действиях, теряют иммунитет от возможных нападений в течение времени такого непосредственного участия и времени, в течение которого они готовятся к запланированному ими нападению (п. 3 ст. 51 ДП I).

Как правило, именно такие гражданские лица составляют большинство участников национально-освободительных движений.

Признанной является практика считать национально-освободительное движение субъектом международного права, когда вооруженная борьба ведется в целях освобождения от колониального господства, расистского угнетения или иностранной оккупации.

Такое утверждение основывается на том, что, согласно п. 4 ст. 1 ДП I, ситуации, упомянутые выше, включают вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства, иностранной оккупации и расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

В последнее время приобретает все большее признание теория, согласно которой основным условием признания национально-освободительного движения субъектом международного права или, по крайней мере, признания законной стороной, которая воюет, является наличие и/или возможность приобретения эффективного контроля за населением на данной территории [4, с. 157].

Закрепляя в ДП I положения относительно признаков освободительного движения, международное сообщество учитывало фактически существующую практику, основанную на Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3103 (XXVIII). Основой данной Резолюции является определение законности борьбы народов за независимость. Так, указано, что борьба народов, находящихся под колониальным и иностранным господством и игом расистских режимов, за осуществление своего права на самоопределение и независимость является законной и полностью соответствует принципам международного права.

Любые попытки подавить борьбу против колониального и иностранного господства расистских режимов несовместимы с Уставом Организации Объединенных Наций, Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларацией прав человека и Декларацией о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Вооруженные конфликты, связанные с борьбой народов против колони-

ального и иностранного господства и расистских режимов, следует рассматривать как международные вооруженные конфликты по смыслу Женевских конвенций 1949 г., и на лиц, ведущих вооруженную борьбу против колониального и иностранного господства и расистских режимов, должен быть распространен правовой режим, предусмотренный для комбатантов в Женевских конвенциях 1949 г. и других международных документах.

Захваченным в плен комбатантам, борющимся против колониального и иностранного господства и расистских режимов, должен быть предоставлен статус военнопленных, и обращение с ними должно отвечать положениям Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года [7].

Дополнительный протокол I (п. 3 ст. 96) отмечает, что национально-освободительное движение «может взять обязательства применить Конвенции и этот Протокол» в отношении конфликта путем одностороннего заявления, адресованного депозитарию [5, с. 39].

Однако как быть с вооруженным формированием, которое вступает в вооруженные столкновения длительной интенсивности, но борьба которого не соответствует устоявшимся признакам легитимности, а именно: когда вооруженная борьба ведется не в целях освобождения от колониального господства, расистского угнетения или иностранной оккупации?

Будет в таком случае вооруженное формирование считаться национально-освободительным движением с соответствующими международными гарантиями защиты прав человека, предусмотренными Международным гуманитарным правом, или такое формирование будет считаться бандой либо террористической организацией, единственным последствием для членов которой будет приговор по уголовному делу?

В свое время, рассматривая подобную ситуацию, при ратификации ДП I в части, касающейся п. 3 ст. 96, Бельгия сделала заявление, в котором указала, что последствия, указанные в п. 3 ст. 96 ДП I, могут происходить только от власти, по крайней мере:

А) вооруженное формирование признано соответствующей региональ-

ной межправительственной организацией и

Б) действительно представляет народ, который участвует в вооруженном конфликте, характеристики которого ясно и четко соответствуют определению, изложенному в п. 4 ст. 1 ДП I, и толкованию осуществления права на самоопределение, сформулированного в момент принятия протокола.

Обобщая указанное заявление Бельгии, которое, по сути, является предостережением к п. 3 ст. 96 ДП I, можем сделать вывод, что, кроме признания вооруженного формирования региональной межправительственной организацией, движение сопротивления должно действительно представлять народ, который страдает от колониального господства и иностранной оккупации, а также расистских режимов и имеет целью таковой борьбы осуществление своего права на самоопределение [1, с. 137].

Заявление Бельгии в этом плане показательное и являлось опережающим существующую практику, поскольку будущие международные отношения доказали, что международная правосубъектность движений сопротивления, прежде всего, основана на ее международном признании как региональными межправительственными организациями, так и в рамках ООН.

Остается открытым вопрос: как именно нужно «действительно» представлять народ, чтобы считать такую вооруженную борьбу в его интересах?

Выводы. Анализируя вышеизложенное, за основу можем взять такие признаки, которые указывают на достаточный объем правосубъектности национально-освободительного движения, чтобы считать его субъектом международного гуманитарного права: 1) наличие вооруженного формирования; 2) борьба ведется против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение; 3) признание соответствующей региональной организацией или ООН; 4) длительный характер вооруженного конфликта; 5) эффективный контроль территории конфликта.

Именно такие признаки, по мнению автора, могут давать участникам национально-освободительного движения основания пользоваться защи-

той международного гуманитарного права и, соответственно, получить статус комбатанта со всеми вытекающими последствиями.

В других случаях считаем, что вооруженное формирование, которое ведет боевые действия с правительственными войсками в середине одного государства, не может иметь достаточный объем международной правосубъектности, чтобы с участниками такого формирования при их задержании обращались как с комбатантами. В данной ситуации нужно применять внутреннее уголовное право по статьям бандитизм, террористический акт и привлекать виновных лиц к уголовной ответственности как за совершение преступлений, так и за само участие в такой группировке.

Логическим представляется вопрос: нужно ли тогда вообще применять международное гуманитарное право, в частности ДП II, к участникам бандформирований и террористических организаций в условиях вооруженных столкновений в середине одного государства и оказывать им защиту, предусмотренную принципом гуманности, который является основным принципом международного гуманитарного права?

Список использованной литературы:

1. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : [курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета] / Э. Давид ; пер. с фр. – М. : МККК, 2000. – 718 с.
2. Женевские Конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные Протоколы к ним. – М. : Междунар. ком. Крас. Креста, 2001. – 342 с.
3. Міжнародне право: Основи теорії: [підручник]/[В.Г.Буткевич, В.В.Мицик, О.В.Задорожній] ; за ред. В.Г. Буткевича. – К. : Либідь, 2002. – 605 с.
4. Маланчук П. Вступ до міжнародного права за Ейкерстом / П. Маланчук ; пер. з англ. – Х. : Консум, 2000. – 592 с. – С. 157.
5. Репецький В.М. Міжнародне гуманітарне право: [підручник]/В.М.Репецький, В.М. Лисик. – К. : Знання, 2007. – 467 с.
6. International Court of Justice. Legality of the Threat or Use of Nuclear

Weapons. Advisory Opinion (1996) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.icj-cij.org/docket/files/95/7495.pdf>.

7. Резолюція 3103 (XXVIII) Генеральної Асамблеї ООН [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon3.rada.gov.ua/laws/shows/995_i34.